

№392 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

«Даром получили, даром и давайте!»

Посылая Своих учеников на проповедь, Иисус сообщил им чудесный дар исцеления. Достаточно было одной фразы, обращённой, скажем, к паралитику: «встань и ходи!», или слепому: «прозри!» - и тут же ослабленный становился на ноги, а слепой начинал видеть окружающий мир. Но, в конце напутствия, записанного в 10-й главе Евангелия от Матфея, читаемой ныне во всех православных храмах, Христос предупреждает: «Даром получили, даром давайте!» (Мф.10,5-8).

На самом деле это наставление, является ещё одной Заповедью Христовой, обращённой каждому из нас. Не надо наживаться на ближнем своём, продавая вещь, которая досталась Тебе даром!

Конечно, без крайностей. Если Ты или Твоё дитя голодное, или лекарство дорогое необходимо купить, тут почти все средства хороши. Исключения бывают разные, но они отнюдь не отменяют правила, гласящего: «Даром получили, даром и отдайте!»

Увести чужих жён и коров

Испокон веков всегда и почти все разделяли и делят мир на своих и чужих. Конечно, в разной степени, и не всегда явно и грубо, как скажем там дикари-готтентоты или южноафриканские бушмены, которые на вопрос «в чём счастье?» дадут известный ответ: - «Счастье - это когда у меня всё хорошо, а хорошо - это когда я у своих врагов угоню много жён и много коров. А плохо - когда враги у меня угонят моих жён и моих коров». Почему? Потому что для готтентота, как для практически каждого человека нашего падшего мира, есть мир своих и мир чужих, только для них делится мир по границе племенной, этнической. И, строго говоря, то, что я угнал у врага коров, очень естественно. Чужих коров - пасти их, что ли? Их сперва нужно сделать своими, и потом уже пасти, потому что так корова будет на тебя работать. И с жёнами то же.

Беда в том, что логика эта присуща не только готтентотам, а всем нам. Хорошо - это то, что хорошо для меня, а что для меня плохо - то это плохо вообще. Логика эта, к сожалению, универсальная - изуверская и страшная, и проявляет она себя непрерывно и многообразно. И поскольку никто из нас пока ещё ангельского чина не обрёл, всем нам приходится с этой логикой воевать внутри себя. Вся разница только в том, что христианам всё-таки очевидно, что это чуждая христианству логика. Но она есть.

Ещё и ещё раз подчеркнём ту реалию, что самый глубокий корень зла заключается именно в разделении на своих и чужих. Поэтому, что в остальном наш с вами основной моральный кодекс мало отличается от дикарского.

Вот, скажем, этический кодекс обитателей африканских джунглей, которых называют пигмеями. Что безусловно порицается в этом пигмейском обществе, которое живет, как принято говорить наукообразным языком, в каменной эре? Что у них нельзя? Категорически нельзя убивать. Нам это понятно. Нельзя жестоко обращаться с детьми. Согласны. Нельзя бессмысленно уничтожать животных, то есть без надобности, не для еды. Всё верно. Безусловно порицается неуважение к старшим. Как с этим не согласиться? Нельзя отказать в помощи раненым и заблудившимся (пигмеям, разумеется). Всё правильно. Ну, в джунглях, надо думать, не так часто обнаруживается раненый или заблудившийся непигмей. Очень жестоко наказываются такие деяния, как порча пищи, загрязнение воды, колдовство, прелюбодеяние (в смысле, супружеская измена), трусость на охоте и на войне, побои, наносимые мужу или жене (жену у пигмеев, между прочим, тоже бить нельзя; мужа-то ладно, его вообще нигде нельзя). Богохульство, в смысле неуважение к святыням - тоже наказуемо. Воровство. Рубка крупных деревьев. Поедание чьих бы то ни было яиц. В лесу гнездо нашли - не надо кушать яички. Видите ли, пигмеи - они кур не разводят, у них домашней птицы нет. Поэтому какой бы птицы яйца они ни съели, это будет дикая птица, обитатель тех же джунглей. А это значит - семена жизни, на которые покушаться нельзя. Вот такая вот система этических ценностей. Вне сомнения, мы легко под всем этим подпишемся. Рубка крупных деревьев - тоже понятно. Мы-то с вами ещё можем себе позволить как-то искусственно контролировать состояние лесов, это вполне нормально. Если не хищнически губить, а расходовать лес рационально, если привносить в это разумное положительное начало, то все в порядке. Почему пигмеи против этого - тоже понятно: может нарушиться среда обитания. Тут очень всё прозрачно. А поскольку ни одному пигмею не снилось, что он может вырастить точно такой же баобаб, как тот, которому больше лет, чем бабушке Матунде, то, соответственно, рубить деревья тоже нельзя.

Но всё это касается только **своей** территории, только своего племени. Как же можно у своих воровать, своих подвергать опасности, изменять собственной семье? Понятно, что это – нельзя, это плохо. А вот если увести буйволов у чужих – так какие проблемы, это же чужие. И тогда убийство – уже не убийство, воровство – не воровство... и прочее, и прочее. Кажется, почти шизофреническая ситуация. Вот только что это был нежный отец, любящий муж, умелый охотник, попечитель небольшого сообщества, пользующийся уважением храбрый воин и так далее. А через некоторое время это уже кровожадный разбойник, который не щадит никого, у которого глаза налились кровью, который крушит без оглядки всё подряд. А ларчик просто открывался: просто свои – это люди, а чужие – не пойми кто.

Не родился такой человек, который был бы в состоянии доказать, что чужой действительно хуже, чем свой. Но мудрый старик Льюис писал о лжепатриотах, что есть такие англичане, которые думают, что самые умные или самые доблестные мужчины – это обязательно англичане, самые воспитанные дамы – это англичанки, и так далее. И когда к ним обращаешь абстрактное суждение, что беда в том, что к каким-то чужим относятся не так, как к своим, и в этом корень таких зол, как национализм, шовинизм, колониализм и прочее, – эти патриоты шумно соглашаются с одной оговоркой: да, это, конечно, так, но ведь применительно к Англии это имеет под собой основание! Или – «что касается англичан, то ведь так оно и есть!»

В общем, преодоление этого разделения, всех возможных искажений, очень просто выглядит, предельно просто. Что надо делать, чтобы этого не было, как это изменить? Очень просто: надо относиться к чужим точно так же, как и к своим. Формула проста до безобразия. Но и препятствие к этому тоже просто до безобразия. Какое? Опять же, столь же иррациональное, сколь и очень сильное. Препятствие надежное и устойчивое: «Не хочу». Ну, это «не хочу» может принимать вид «не могу», «это невозможно», «это невозможно в наше время», «может быть, лет через сто»...

Что у нас означает не вести себя дурно? Не воровать, не убивать и так далее. Вообще никого не убивать? А почему не убить кого-то, кто мне не нравится?

Ну, убивать, не убивать – нас с вами это вроде не касается... Но это только кажется. На самом деле касается. Потому что если ты не противишься беззаконию, то ты в нём участвуешь. Тогда и нечего сетовать на то, что мир кривой и косой. Вот если горизонт твоей жизни ограничивается исключительно тем, чтобы у себя во дворе посадить дерево, выстроить дом и воспитать своих детей, а от остальных как-нибудь отстреляемся, – да, можно так жить, но имей в виду, что ты сам подписываешься под тем, что жить будешь, как на пороховой бочке, или как в осажденном

лагере. Нравится? – пожалуйста. Но когда-то ты окажешься точно таким же чужим для кого-то, и в конечном итоге он тебя раздавит. По той же логике: а кто ты такой, чтобы я тебя уважал?

А уж оснований придумать можно сколько угодно. Вот, англичане имели право править миром в 19-м веке. Почему? Потому, что они англичане. А что это значит? Это значит, что это самые-самые-самые... и т.д. Или – Германия превыше всего. Почему? А потому, что Германия – превыше всего. А почему так решили? – а потому, что у нас Лютер, Кант, Гегель и так далее. Русская Православная Церковь – самая православная. И так далее.

Впрочем, англичане этим уже переболели. Вот точно так же было бы интересно проследить, как в истории человечества та или иная культура с этим расставалась. Ведь всё-таки нам известны прецеденты, когда эта логика менялась. Скажем, англичане уходили из Индии, в Америке отменили рабство, в России в 19-м веке отменили крепостное право. С течением времени росло число прецедентов, когда рабы отпускались на свободу и становились вольноотпущенниками. Но как это происходит и как это объясняется?

Зачастую мы с вами можем услышать прямо противоположные идеи. Например, есть люди, которые заявляют: «А-а-а, с этим всем очень легко справиться! Надо просто с завтрашнего дня начать вести себя так, как будто все люди братья». И людям, которые уже давно живут по этой логике – ну, их поколение и их родители, а что было с их дедушками и бабушками, их мало трогает, – им трудно объяснить, что не всё тут так просто, что это требует усилий, это не то, что само собой разумеется. Поэтому когда какие-нибудь сердобольные и цивилизованные датчане или шведы разводят руками и говорят: «Как можно допускать такое насилие (или еще что)», их очень сложно отослать ко временам, скажем, 17 века, когда их предки очень лихо мутузили друг друга на предмет того, чья вера правильней, – знаменитая Тридцатилетняя война в Европе, которая опустошила весь германоязычный мир, и долго после этого в себя приходили. Или когда современные американцы говорят: «Ну какая расовая проблема, надо иметь в виду банальную вещь, что все расы равны», – можно спросить, как насчет их бабушек и дедушек, которые в 60-х годах устраивали демонстрации, не давая пройти в школу совместного обучения темнокожим детям, даже в сопровождении агентов ФБР (а агент ФБР для законопослушного американца – это фигура неприкосновенная, полуполюгендарная).

Скажут: «Ну, это история...». Нет, это не история, это вечно действующая универсалия, многоликая и проявляющаяся в нескончаемом многообразии, о которой мы с вами, если даст Бог, еще размыслим.